

Логунова Лариса Валентиновна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

г. Красноярск, Красноярский край

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Аннотация: в данной статье рассмотрены основные аспекты идеального образовательного проекта. Исследованы принципы построения системы образования. Отмечены достоинства и недостатки курсов повышения квалификации.

Ключевые слова: система образования, учителя, образовательная концепция.

Современное отношение к системе образования строится, как и всякая парадигма на неявных допущениях.

Первым таким допущением является идея утопического совершенства, очищенного от грязи прошлого, являющая собой идеальный образовательный проект. Этот проект не отягощен какими-либо местными подтверждениями своего совершенства, но спускается на нашу грешную землю из сферы всегда и везде правильного знания. Чаще всего импортируется из «безгрешных» культур, не отягощенных тоталитарным прошлым.

Второе допущение, точнее, точка отсчета – это близкое и далеко еще не изжитое прошлое, которое должно преодолеть. Смыслообразующим ядром такой концепции является стратегия выявления и, самое главное, преодоления инерции прошлого, стереотипов, вросших в сознание и кажущихся очевидными.

Итак, первое допущение предполагает практически ориентированную концепцию образования. Удивительно, что понятие практически ориентированное означает на практике сокращение объема точных наук, физики, химии и т. д. Гуманитаризация образования – это прекрасно, но вряд ли образ Евгения Онегина

(тем более, выученный в кратком пересказе из интернета) более практически ориентирован, чем закон Ома.

В методологическом плане практически ориентированная концепция должна содержать операциональные указания на то, как и что надо делать в сфере содержания образования. И эти указания должны существенно расходиться с существующей практикой, иначе такая концепция как практически значимая оказывается не нужной.

Однако практика работы педагогов показывает, что многие учителя готовы к восприятию новых рекомендаций только в том случае, если такие рекомендации позволяют им делать то, что и раньше, то есть то же самое, но лучше. И это вполне логично. Ведь цель усовершенствования, как об этом свидетельствуют достижения науки и техники, сделать то же самое, неважно, вспахать землю или передать знание. То есть измениться не изменяясь.

Иными словами, сплошь и рядом действует гегелевский принцип: разумно только действительное.

Многочисленные курсы переобучения и переквалификации учителей чаще свидетельствуют об обратном. Учителя жалуются, что курсы, на которые их вынуждают периодически записываться, чтобы подтвердить или получить более высокую категорию, только отнимают время, ничего не давая взамен. Почему? Разве там не дается новое знание? Дается. Но именно здесь теория встречается с практикой. Как правило, такие курсы предполагают, что учитель будет прилагать *еще больше* усилий, то есть, что он будет *больше работать*. Представим, что пахать землю на тракторе было бы тяжелее и дольше, чем сделать то же самое с сохой или плугом. Ну и кому нужен такой прогресс? Позвольте, можно сказать, что временно на период переобучения управления трактором ты будешь работать дольше, но потом это пройдет, ты обучишься и станешь работать меньше. Но на практике так называемые новые технологии означают *увеличение, а не уменьшение нагрузки* на учительскую массу. Вспоминается встреча с учителями представителей красноярской епархии года два назад, на которой мне довелось присутствовать. Там замотанных учительниц называли сестрами Христовыми и

призывали их нести подвиг христианского просвещения. Призывали мужчины, многие корпулентного сложения, с истовым огнем в глазах. Не многовато ли, для тех, кто ради достойной жизни в 25–30 тысяч рублей и так работает по двенадцать часов в сутки? И рады бы, но куда, в какой временной промежуток вместить сие служение? Между подготовкой к урокам и самими уроками, по 5–6 в день? Или между проверкой тетрадей и встречей с родителями? Или заменить многочисленные отчеты на служение? Непонятно. И рады бы в рай, да грешная земная жизнь не позволяет. Ведь в мирском времени всего 24 часа в сутки.

Те, кто предлагают усовершенствования в сфере образования, каждый год, меняя правила игры, не понимают и не хотят видеть в идеалистическом стремлении к идеалу, с кем они на практике имеют дело. Утопизм такого рода, будь то платоновское идеальное государство в Сиракузах или «Город Солнца» Кампанеллы или бумагопрядильная фабрика Роберта Оуэна, совершенно не берет в расчет наличные материальные условия бытия. Ведь в Сиракузах правит тиран, которому по всемирному закону сохранения энергии проще править привычным способом. А город Солнца рождается в воспаленном мозгу заключенного, измученного пытками, как способ выжить в нечеловеческих условиях. И рабочим на фабрике Оуэна непонятна и чужда идея кружков для рабочих. Все они живут в материальном мире, в котором правит закон минимизации усилий. Тирану проще продать Платона в рабство, чем строить идеальное государство. Рабочим проще воровать без должного контроля, чем слушать закон своей совести и просвещаться. Что касается Томазо Кампанеллы, то его проект не был реализован, поэтому о столкновении теории с практикой здесь речь не идет.

Вернемся к курсам повышения квалификации. Здесь столкновение наличных объективных условий и утопического проекта вполне ожидаемо приводит к победе материализма. Если исходить из принципа минимизации усилий, то практическая польза в таких курсах все-таки обнаруживается. Правда, она не совпадает с идеалистическими целями, идеей бесконечного усовершенствования. На практике учителя записываются на курсы повышения квалификации даже, если им не нужно повышать категорию. Не из материальных соображений. Но и не из

идеальных. Так, моя коллега, историк в школе, целую неделю ходила на курсы энергосбережения. Вряд ли это было нужно для повышения ее квалификации как историка. На самом деле все проще и грубее, как это и бывает в обыкновенной жизни. Такие курсы – просто передышка, возможность на несколько дней уйти от рутины. Не отдых в прямом смысле этого слова. Как говорится, лучший отдых – это смена вида деятельности. Да и к урокам можно вечером подготовиться нормально, хотя бы на три дня вперед, и с семьей повидаться...

У Г. Гегеля в его системе объективного идеализма действует и противоположный принцип: все действительное – разумно. Еще со времен советской власти почти не усовершенствованный обыватель на собственной шкуре убедился, что правом на то, что принимают за образ действительности, обладает только начальство, пусть даже самое маленькое. Утопический образ действительности, как показывает исторический опыт, обычно замкнут на себе самом. Все утопии, будь они пространственными или временными, отделены от внешнего мира, самодостаточны. В идеальное государство Платона не пускают чужаков, в «Утопии» Томаса Мора искусственно создают остров, отделяя его от материка, город Солнца Кампанеллы построен на горе и окружен по периметру семью рядами стен. Во временных утопиях идеальное общество перемещается либо в прошлое, либо в будущее. Как правило, утопия не принимает настоящее, не терпит его.

В таком случае образ действительности предполагает как вариант присутствие открытой или латентной идеологии, построенной по принципу самодостаточного мифа. В случае несоответствия мифу новая концепция, какой бы практически успешной она ни была, скорее всего, будет расценена как непрактическая, далекая от педагогической реальности. Например, любые разговоры о демифологизации истории и метаисторических пластах исторического знания неактуальны и непрактичны, если мы уже решили писать эту историю для школы как красивый патриотический миф. Наоборот, практичной оказалась бы концепция, которая необходимость такого мифа «теоретически» бы обосновывала, задавала бы этому мифу определенную идеологическую ориентацию, а в итоге

предлагала бы круг потенциальных авторов, способных эту мифологию построить. В этой ситуации администратор с одной стороны делает, что хочет и может, с другой стороны делает он не так уж много, поскольку «практически ориентированная» концепция, по сути, выдает «на гора» набор фактов как административную сводку, родственную советским сводкам об урожае на полях.

Патриотизм, безусловно, воспитывать нужно. Но не в виде самодостаточного мифа. И, потом, неизвестно, какой мифологической структурой пользоваться. Ведь базовых мифологем в нашей культуре как минимум две, и они противоположны.

Первая – языческая, построена на культуре прошлого, его сохранения, идее вечного солярного круговорота. В таком случае, в частности, придется признать, что в нашей истории нет ничего принципиально нового. Все то же, московское царство с идеей бюрократии как системы «кормления», ограбления и деградации провинции в период войн и потрясений, ориентации центра скорее на внешнюю политику, чем на внутреннюю, гуманизма, который предполагает прикармливать вновь присоединенные народы за счет остальных, которые и так потерпят и т. д. Пожалуй, нет. Мировое коло как идея вечного возвращения вытаскивает на свет слишком неприглядные факты.

Вторая мифологическая идея – христианская идея «темного прошлого», настоящего как ничего не стоящей реальности, реальности греха и искупления и «светлого будущего», которое вот-вот наступит. Эта мифологема достаёт прошлое как парадную одежду из сундука несколько раз в год, по праздникам, чтобы потом бережно сложить обратно и не пользоваться, и видит будущее скорее по контрасту с тем, что было, чем по сравнению с тем, что есть. Она бесплотна, абстрактна, дедуктивна, не видит мелочей. И пользуется предельно общими понятиями, в которых по законам логики, мало содержания. Кроме того, такая концепция обладает безусловной привлекательностью именно для гуманитария.

Френсис Бэкон в свое время писал, что люди больше всего ценят то, к чему они привыкли и то, что досталось им с трудом. Гуманитарии со священным ужасом относятся к точным наукам. Особенный трепет вызывает математика. При

всей ее практической развернутости «царица наук» самодостаточна и не требует ни эксперимента, ни даже наблюдения. И при этом она является аксиоматической и дедуктивной, развивающейся от самого общего к самому частному в форме логической эманации. И здесь опять маячит тень Гегеля, теперь уже перевернутым принципом совпадения исторического и логического. Дедуктивное построение концепции так же последовательно развивает во времени ее реализацию. Сначала разрабатываются и утверждаются общие принципы, потом более частные. И так далее, вплоть до предметных планов и мельчайших деталей. В частности, так и была построена работа над федеральными образовательными стандартами.

Иными словами, такая идеальная модель завершается *до* какой-либо работы с материалом и в материале. Сколько-нибудь значимая ее коррекция в ходе предметного воплощения не предусматривается. Наверное, поэтому «лист внесения изменений» в РПД всегда остается незаполненным.

Таким образом, на данный момент времени идеальная и завершенная образовательная концепция в типовом управленческом сознании выглядит следующим образом. Это – некая априорно правильная и идеологически освященная теория, из которой с необходимостью вытекает, что и как нужно делать в сфере содержания образования, в данном случае – гуманитарного. В типовом практическом сознании агенты социализации при появлении очередных утопических документов «делают под козырек» и отправляются реформировать содержание образования, ничего особенно не меняя в принципах и методах. И такой идеальный и завершенный конструкт, построенный «по науке», является легитимным теоретическим прикрытием спонтанно принимаемых решений в сфере образования.